

ББК 81.2-3

В.Л.Васильев

К ПРОБЛЕМЕ ТОПОНИМИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРИИЛЬМЕНЬЯ

The problem of historico-etimological study of geographical names in the Ilmen-lake basin is put. Principles of selection of toponyms for analysis have been postulated, and some typical toponymic sketches are given as the model.

Территория вокруг озера Ильмень и по течению рек Ловати, Полы, Мсты, Шелони, Волхова по праву считается исторической. Ее значение велико как в культурно-историческом отношении, поскольку она охватывала центральные провинции Великого Новгорода — одного из центров древнерусской государственности, так и в историко-диалектологическом отношении, поскольку здесь локализуется главный очаг обширного северного наречия русского языка.

Не вызывает никаких сомнений важность топонимического изучения обозначенной территории. Богатое прошлое Приильменья отражает разноэтничный топонимикон, включающий языковые напластования различных эпох и народов. В новгородской топонимии прослеживаются географические имена по происхождению: 1) древнефинские, оставленные по преимуществу прибалтийскими финнами, отчасти, возможно, и саамами (не исключено присутствие и более архаического слоя названий, имеющих обобщенные финно-угорские (уральские) языковые соответствия на весьма широких территориях); 2) «древнеевропейские», по терминологии немецкого исследователя Х.Краэ, а точнее говоря, древнеиндоевропейские, находящие соответствия в разных регионах Европы, но определяемые без конкретизации по отдельным индоевропейским языкам; 3) древнебалтские, как выяснилось, весьма здесь многочисленные, оставленные языковыми предками литовцев, латышей, пруссов и др.; 4) архаические славянские (восточнославянские), обладающие своими специфическими чертами, но нередко с трудом дифференцируемые от древнебалтских; 5) древнерусские и русские, наиболее многочисленные, образующие топонимический фон; многие из них отражают узкорегionalные, сугубо новгородские языковые явления и местные культурные реалии; 6) древнескандинавские, появившиеся в силу известной по письменным источникам деятельности варягов в новгородских землях. В более поздние исторические эпохи здесь возник довольно многочисленный слой карельских названий, благодаря массо-

вому переселению карел в XVII в., а в XIX в. ряд названий был оставлен переселившимися в Приильмень эстонцами и латышами. Древние дославянские, субстратные и субсубстратные, географические названия преимущественно являются гидронимами, но отчасти также названиями поселений и урочищ, причем «первообразными», т.е. не перенесенными, не дублирующими смежные гидронимы, что позволяет в ряде случаев в более очевидной, «локализирующей» версии судить не только о расселении дославянских этносов, но и о местонахождении оставленных ими археологических древностей.

Новгородские и — шире — северо-западные топонимы отчасти анализировались в трудах отечественных и зарубежных исследователей, хотя и в ограниченном объеме. Классик севернорусской и финно-угорской топонимии А.И.Попов написал интересную книгу «Следы времен минувших» (Л., 1981), посвященную истории отдельных географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Анализ гидронимии старых псковских и новгородских земель (в основном Шелонская и Деревская пятины) производился Р.А.Агеевой (см. ее монографию «Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации». М., 1989). По отдельным категориям топонимов Приильмения в разное время появлялись диссертационные исследования [1], вышла небольшая книга новгородского диалектолога В.П.Строговой [2], статья географа В.С.Жекулина [3] и др. Отдельные географические названия Приильмения в контексте всей восточнославянской топонимии разрабатывались также зарубежными учеными, особенно М.Фасмером в 1930-40-е гг., а позднее преимущественно в работах П.Арумаа, Микколы, Яна Розвадовского, Ст. Роспонда [4] и др.

Но в целом в поле зрения перечисленных авторов, отечественных и зарубежных, попало небольшое количество названий рек, озер, поселений в Приильмень, как правило, крупных и хорошо известных по письменным источникам, причем часть предложенных толкований в свете новых фактов требует пересмотра либо может быть дополнена, подкорректирована. До сих пор не существует целостного исследования, посвященного топонимии региона, проведенного на значительном, достаточно полном, статистически показательном и системно организованном материале, да и подобная задача еще никогда не ставилась. Скучность и бессистемность достижений новгородской топономастики становится особенно очевидной на фоне успешных научных результатов, достигнутых на смежных путях исторического изучения региона. Так, историками и археологами во главе с акад. В.Л.Яниным уже давно ведется целенаправленная и последовательная работа по историко-археологическому изучению Новгорода и Новгородской земли, а язык новгородских грамот на бересте, фонд которых ежегодно пополняется, успешно изучает акад. А.А.Зализняк. Думается, что топономастические изыскания придали бы комплексный, более широкий характер познанию истории столь важного региона. Квалифицированные истолкования географических названий, подавляющее большинство которых впервые вводится в научный оборот, равно как и систематизация связанных с названиями ономастических и общезыковых явлений во многих случаях могли бы дополнить, откорректировать или продублировать выводы историков, археологов, лингвистов, а в целом (и это главное для науки) — расширить базу источников для изучения древних новгородских земель. При этом следует отметить то немаловажное обстоятельство, что данную территорию выгодно отличает от многих других наличие широкого круга древних письменных памятников, позволяющих проводить топонимические изыскания со значительной глубиной, тщательностью и достоверностью.

Сказанное выше подтверждает настоятельную необходимость создания некоторой совокупности историко-топонимических очерков, раскрывающих историю и эволюцию конкретных географических названий, а отчасти — и письменную историю самих поименованных топографических объектов. Особенно важными представляются географические имена населенных пунктов (ойконимы) и водоемов (гидронимы). Исследованные в достаточно полном количестве (числом хотя бы в тысячу единиц), они способны дать широкое представление о богатстве и специфике новгородской топонимии. Рассмотрению в первую очередь подлежат топонимы, значимые в административно-территориальном, культурно-историческом, физико-географическом и лингвистическом отношениях.

1) Названия всех крупных по меркам административно-территориального деления объектов — городов, районных центров, больших сел и деревень, главных рек и озер, локализованных преимущественно в Новгородской области, отчасти в сопредельных районах Псковской и Ленинградской областей.

2) Названия объектов, представляющих интерес в культурно-историческом контексте (населенные пункты, реки, озера, где находятся храмы, монастыри и прочие культовые сооружения, поселения, связанные с жизнью и деятельностью исторических личностей и выдающихся людей, места важных исторических событий).

3) Названия интересных природных объектов (реки, озера, объявленные памятниками природы, имеющие рекреационное значение или отличающиеся каким-либо физико-географическим своеобразием).

4) Названия крупных и мелких поселений, рек, озер, имеющих богатую древнюю историю, неоднократно отмеченные в старейших письменных памятниках, прежде всего в древних летописях, актах, берестяных грамотах.

5) Названия объектов, главным образом поселений, производные от имен, фамилий, прозвищ людей, биографические данные о которых сохранились в старорусской или древнерусской письменности.

6) Названия поселений, рек и озер, представляющие интерес в собственно лингвистическом (ономастическом и общезыковом) плане: отражающие новгородскую диалектную лексику или редкие, вышедшие из употребления апеллятивы, выявляющие специфические топонимические и антропонимические явления Новгородского края, иллюстрирующие диалектные фонетические и морфологические процессы, способы деривации, показывающие существенные связи бассейна Ильменя с другими территориями; в эту же группу войдут и архаические славянские и дославянские (субстратные) географические имена.

Приведем в качестве примеров несколько типовых очерков, посвященных новгородским топонимам [5].

ДОМОВИЧИ — дер. в Любытинском р-не.

Деревня ранее относилась к Никандровской волости Боровичского уезда. Согласно [6], дер. *Домовичи* на оз. Городно имела 20 дворов, стояла в 55 в. от Боровичей и в 5 в. от волостного правления. В материалах Генерального межевания 1785 г. под №2055 тот же вариант названия — дер. *Домовичи*, при оз. Городно [7].

Домовичи — отпатронимическое по форме имя. Считается, что топонимы на *-ичи*, *-овичи* образуются от патронимов на *-ич*, *-ович* — наименований потомков по отцу или деду (отчеству) либо вообще наименований потомков по имени главы рода, основателя рода. Возникновение подобных названий хорошо соответствует родовой организации средневекового общества. По исходному смыслу топонимы на *-ичи*, *-овичи* указывают в общем виде на то, что поселение было основано потомками некоего лица, имя которого заключено в топониме. При таком понимании дер. *Домовичи*, вероятно, заложена потомками человека, личное имя которого отражено в основе географического названия.

Вместе с тем суффикс *-ич*, *(-ов)-ич* в древности мог выполнять и катойконимическую функцию, т.е. образовывать наименования жителей по месту проживания. В широком смысле вторая функция тоже сводима в конечном счете к идее происхождения, но не в связи с прямым родством, а по отношению к тому месту, где человек родился, иначе говоря, по отношению не к роду и родителям, а к родине. В древненовгородской письменности встречаются *рядовичи* — жители *рядка*, *онполовичи* — жители *Он-Пола* — Торговой стороны средневекового Новгорода. Полагаем, такое же катойконимическое значение несет суф. *(ов)-ич* и в ойкониме *Домовичи*, который первоначально указывал на *домовичей*, *домовых* жителей, т.е. на население *домовой* или *домовнои* деревни. *Домовой* или *домовный* означало в XV-XVII вв. 'относящийся к архиерейскому дому, принадлежащий церкви, приписанный к монастырю' [8]. Упоминания о домовых селениях встречаются в средневековых актах, например: «Промънилъ есми имъ *домовое* церковное Пречистые богородици... селцо Телмячеево», 1499 г. [9].

Вероятно, дер. *Домовичи* первоначально относилась к домовым, владычным деревням (ср. многочисленные топонимы *Владычно*, *Владыкино* и под.), а жителей ее окрестное население звало *домовичами*. Впоследствии наименование жителей закрепилось в топонимическом употреблении.

ИГОЛА — протока в дельте р. Ловать.

Отмечается в источниках под разными топонимическими вариантами: *Игола* — по сообщениям местных жителей, а также на топонимическом плане Взвядского Чертицкого и Ужинского погостов, составленном по устной традиции [10]; *Иголка*, рч. в устье Ловати между Карповкой и Ловатью [11]; *Иглица* по писцовой книге XV-XVI вв.: «Проскурня косить за тоужь Псковую рекою надь речкою надь *Иглицею* 50 копен» [12] и производное «Поль-озерка *Игольска*» [13]; *Иголя* — по оброчной книге пригородных пожен ведомства новгородского конюшего 1539-40 гг.: «Пожня наволочек за *Иголею*, оброку полтри гривны» и здесь же в производном названии озера в устье Ловати — «Пожня полоска за *Игольском*» [14].

Гидроним предположительно приоб.-фин. субстратного типа. Сопоставляется с фин., карел. *ihala*, ливвик. *ihalu*, *ihal* 'красивый, прекрасный, живописный, необычный'. Субституция приоб.-фин. *h*, *a* соответственно русскими звуками *з*, *о* достаточно регулярна, особенно для территорий ранней славянской ассимиляции прибалтийских финнов, к которым относится Приильмень. Таким образом, приоб.-фин. **Ihal-* > *Игола*, *Иголя*, данные формы и будут первичными; формы же *Иголка*, *Иглица*, а также нехарактерное для финских основ ударение на втором слоге отражают в свою очередь результат сближения со словом *игла*. К гидрониму *Игола* близко, вероятно, *Иголинка*, р. в басс. Невы [15]. Приоб.-фин. основа **ihal* в звуковой адаптации [*ихал*], более соответствующей языку-источнику, широко распространена в микротопонимии и микрогидронимии Русского Севера: *Ихальное*, *Ихалица*, *Ихальнема*, *Ихалово*, *Ихальник* и др. в басс. Северной Двины. Она отнесена А.К.Матвеевым к разряду дифференцирующих, показательных в лингвоэтническом отношении основ [16]. Названия от *ihal-* подразумевают положительное впечатление от местности («Хорошая, красивая река (озеро, место)»), осваиваемой первопоселенцами. Отражение положительных оценок вообще часто содержится в ономастике; ср. хотя бы поблизости от р. *Иголы* в устье Ловати рч. *Добрыня* (от др.-рус. *добрый* 'хороший, красивый'). Маловероятно связывать *Игола* с личн. *Игола*, антропонимом прибалтийско-финского происхождения (от той же основы **ihal-*, букв. «Красивый»), отмеченным в новг. берестяной грамоте № 249 (см. текст в [17]). Гидроним от антропонима требует притяжательного форманта, которого в *Игола* нет. Отношение личн. *Игола* к гидрониму *Игола* является не мотивационным, а лишь формально-этимологическим.

КОСТРОНИ — дер. в Батецком р-не.

По источнику середины XIX в. [18] дер. *Кострони* отмечена в Лужском уезде Санкт-Петербургской губ.; поблизости указана речка с названием *Костронька*, производным от ойконима.

Название древнеславянского происхождения: архаическая суффиксация *-онь* (*-они* во множ. ч.), продуктивная в эпоху не позднее начала 2-го тысячелетия н.э., расширила топонимическую основу *костр-* в значении, свойственном соответствующему апеллятиву в ранний период языковой истории. Скорее всего *Кострони* — образование на базе слова *костерь* 'укрепление, крепостная башня', употребительного в древних, именно новгородских и псковских, диалектах. См. собранный в древнерусском словаре [19] материал Новгородской Первой летописи под 1352 г. (с. 329): «Добиша челомъ новъгородци, бояре и чернии люди, архиепископу новъгородскому владыцѣ Василю, чтобы еси, господине, ехаль нарядилъ костры въ Орѣховѣ; и онъ ехавъ, костры нарядилъ»; затем фрагменты из Псковской летописи под 1387 г. (I, 24): «Поставиша три костры камены у новыя стѣны на приступѣ»; под 1450 г. (II, 48): «Погорѣ весь Псковъ... а загорѣлося от Хытре кожевника, от Бурковѣ лавици, от кутнего костра, и горѣло полторае ноци да день». В современных говорах средневековое значение слова *костер* не сохранилось; впрочем, некоторые речения как бы отсы-

лают к прежнему его смыслу 'укрепление, башня'; ср. по этому поводу интересное объяснение поговорки, сделанное В.И.Далем: «Если костер означал также рубку, высокий сруб или выступ площадкой городской стены, раскат, даже башню (сдБлаша врата и костеръ наверху большой), то понятно, почему около костра хорошо щепу огребать» [20]; также, отмечает Даль, *костер* шуточно означает 'город' в офенском языке — в этом видится еще одно указание на то, что торговцы-офени создавали свой тайный язык с опорой отчасти на устаревшую русскую лексику.

Интерпретация ойконима *Кострони* в качестве языкового свидетельства укрепленного поселения, городища (*Кострони* — «укрепление с башнями-кострами») находит весьма существенную поддержку в данных археологии. Ранее уже фиксировалось исследователями, что в 1 км к западу от дер. *Кострони* расположено средневековое городище на высоком естественном всхолмлении на правом берегу ручья. У местного населения оно известно под названием *Городок*. Площадь городища 60 на 40 м, с севера его ограждают неглубокий ров и вал, а к востоку, т.е. в сторону дер. *Кострони*, идет пологий спуск. Сейчас на городище находится современное кладбище, но просматриваются и древние жальничные погребения с каменной обкладкой [21]. Таким образом, ранняя средневековая история местной округи была очень насыщена событиями, и деревня, возникшая здесь, очевидно, несколько позднее, закрепила в названии факт своего местоположения вблизи городища.

ЧЕРЕСУЦА — руч., пр. пр. Явони, пр. пр. Полы; берет начало из оз. Горшевец к востоку от пос. Демянск.

В материалах Д.Ф.Шанько [22] название ручья дано с искажением — *Черечица*, в прочих письменных источниках не представлено.

Гидроним субстратного, дославянского происхождения, имеющий близкие соответствия в бассейне Луги (р. *Череска*, пр. Лемовжи, пр. Луги) и в Верхнем Поднепровье; ср. рч. *Череса* — лев. пр. Дешны, относительно которых «не исключено балтское происхождение» [23]. Название хорошо объясняется на базе индоевр. корня **kers-*, **kirs-*, имеющего продолжения, в частности, в рус. *черный* (< **čьrxn-* < **kirsn-*), др.-прусс. *kirsnan* 'черный', др.-инд. *krsnas* 'черный', лит. *kėršas* 'черно-белый, пятнистый, рябой', *kėršė* 'корова-пеструха', *kėršis* 'вол пестрой масти', *karšis* 'лещ' и в других лексемах, приводимых в этимологических словарях (см., к примеру, [24]). Гидронимные корневые соответствия новгородскому *Чересуца* нередки в Прибалтике; их представляют, с одной стороны, речные названия с суффиксальным *-n-*: *Kirkšnis*, *Kirkšnys*, *Kirkšnovė*, *Kirkšn-ó-upis*, *Kirkšnopja*, *Kirkšnojis* и близкие к ним названия без «вставного» *k*: лит. *Kirsna*, *Kiršna*, *Kirsn-upė*, *Kiršn-ó-upis*, *Kiršinas*, др.-прусс. *Kirsn-appē*, оз. *Kirsne*, *Kirsno*; с другой стороны, — названия без суф. *-n-* от лит. *kėršas* 'рябой; пегий': р. *Keršis*, оз. *Keršiai* (дважды) [25]. С учетом приведенных соответствий из новг. *Чересуца* реконструируется исходная праформа **Kersa*, **Kirsa* с первичным значением «Черная», чрезвычайно активно мотивирующим водные названия; ср. многочисленные *Черные* реки и ручьи. Впоследствии на славянской почве исходный гидроним пережил процессы «шипящей» палатализации (**к>ч*) и восточнославянского полногласия и наконец оформился деминутивным суффиксом *-иц-а*, подчеркивающим незначительные размеры водотока. Праформа **Kersa*, **Kirsa* «Черная», без древнего оформления суффиксальным *-n-*, предполагает весьма архаический балтский или даже добалтский (протобалтский) уровень осмысления; соответственно, гидроним *Чересуца* следует отнести, по всей вероятности, к весьма архаическому слою индоевропейской водной номенклатуры. Родственным ему водным названием с признаками праславянского происхождения является *Череха* — рч. бассейнов Ловати и Великой.

1. Подольская Н.В. Топонимика Новгородской земли по данным новгородских письменных памятников XI-XV вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1956; Никитин А.В. Названия рыболовных угодий Калининской, Новгородской и Псковской областей (Опыт анализа топонимов-ориентиров). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.
2. Строгова В.П. Древние топонимы Новгорода и его окрестностей. Новгород, 1993. 42 с.

3. Жекулин В.С. // Уч. зап. НГПИ. Т.21. Новгород, 1967. С.3-14.
4. Vasmer M. Balten und Finnen im Gebiet von Pskov // *Studi baltici*. 1933. №3. S.27-34; Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. 1-4 // *Preuß. Akad. Wiss. S.-Ber. Philos.-hist. Kl. B.*, 1932-1936. 1-1932. S.637-666; 2- 1934. S.351-440; 3-1935. S.507-594; 4- 1936. S.176-270; Его же: Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russland im Lichte der Sprachforschung. В., 1941; Arumaa P. Sur les principes et méthodes d'hydronomie russe: Les noms en – гость // *Scando-Slavica*. 1960. Т.6. P.147-174; Mikkola J.J. Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch. Helsinki, 1838; Rospond S. Klasyfikacja strukturalno-gramatyczna slowiańskich nazw geograficznych. Wrocław, 1957; Rozwadowski J. Studia nad nazwami wód slowiańskich. Kraków, 1948.
5. Названия населенных пунктов (ойконимы), приведенные без ссылок на источники, даны по Справочнику административно-территориального деления Новгородской области (Новгород, 1989), а названия водоемов (гидронимы) извлечены из Приложения к распоряжению облисполкома от 22.08.89 г. «Об утверждении перечня рек, озер и водохранилищ Новгородской области для установления водоохранных зон до 2000 года».
6. Списки населенных мест Новгородской губернии. Вып. VI. Боровичский уезд. Новгород, 1911. С.76.
7. По топонимической картотеке боровичского краеведа К.В.Гарновского, включающей географические названия бывш. Боровичского уезда Новгородской губ. (хранится на кафедре математической лингвистики СПбГУ).
8. Словарь русского языка XI – XVII вв. Т.4. М., 1977. С.310-311.
9. Там же. С.311.
10. Чернов С.З. Историческая география Взвядского погоста // *Генезис и развитие феодализма в России*. Л., 1985. С.104-112.
11. Пылаев В.А. Старорусский край (Природа и население). Новгород, 1929. С.23.
12. Цит. по: Чернов С.З. Указ. соч. См. текст к рис. 2 (вкладыш).
13. Там же.
14. Писцовые книги Новгородской земли. Т.1. М., 1999. С.365.
15. Шанько Д.Ф. Реки и леса Ленинградской области. Л., 1929. 640 с.
16. Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч.1. Екатеринбург, 2001 С.304 и карта 4.
17. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 526.
18. Списки населенных мест Российской империи. Т.37: Санкт-Петербургская губерния. СПб., 1864. №1999.
19. Словарь русского языка XI – XVII вв. Т. 7. М., 1980. С.367.
20. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998. Т.2. С.175.
21. Археологические памятники Новгородской области. Вып. I. Новгород, 1979. С. 4.
22. Шанько Д.Ф. Реки и леса Ленинградской области. Л., 1929. №105 (по алф. указ.).
23. Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С.212.
24. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева. Т. IV. М., 1987. С.346; Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. II. М., 1999. С.383.
25. Vanagas A.P. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981. С.154, 157, 158.